

Публичная дипломатия и ее инструменты в условиях информационно-психологической войны.

Научный руководитель – Пашенцев Евгений Николаевич

Коркова Евгения Николаевна

Аспирант

Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Москва, Россия

E-mail: zh-korkova@yandex.ru

В условиях нарастающей напряженности в международных отношениях и благодаря глобальной цифровизации, повсеместному распространению и совершенствованию коммуникационных технологий, инструментов и сетей процесс слияния публичной дипломатии (ПД) с операциями информационно-психологического противоборства (ИПП) становится все более явным. Каждый из инструментов ПД (цифровая дипломатия, международное вещание, культурные и экономические программы, программы образовательного обмена, гуманитарная помощь) становится проводником информационно-психологического воздействия.

Феномен цифровой дипломатии появился и развивается благодаря социальным сетям, которые в кратчайшие сроки позволяют активизировать и организовать, а затем и координировать сравнительно большие группы людей. Именно соцсети благодаря обширному охвату аудитории, молниеносности отклика, возможностям к комментированию (дискуссии), продвижению и визуализации преподносимой информации изменили процесс распространения и восприятия информации, выбор которой теперь определяется не только субъективным мнением пользователя, но и интегрированной в саму соцсеть системой оценок и продвижения (лайки, дизлайки, шеры, комментарии). Как отмечает Лоуренс Мак Доннелл в своем обзоре, выпущенном Российским Советом по международным делам в июне 2017г., 61% мирового населения в возрасте от 21 года до 36 лет получает политические новости из Фейсбука [6].

Наряду с цифровой дипломатией одним из важнейших инструментов информационного воздействия являются сети международного вещания. Современные сети радио- и телевещания позволяют распространять нужную для субъекта воздействия информацию, а сокрытие источников и каналов финансирования этих сетей дает возможность увеличить уровень их достоверности в глазах целевой аудитории, а значит, и степень доверия к ним: не зная истинного источника происхождения информации, слушатель/зритель воспринимает ее как достоверную и правдивую. Наличие высокой степени доверия к той или иной сети вещания позволяет ей полностью управлять настроением аудитории.

Программы культурной и образовательной дипломатии также используются в качестве инструментов ИПП. Гастроли ансамбля песни и пляски Российской армии им. А.В. Александрова в европейских городах для искушенного зрителя скорее являются инструментом пропаганды, нежели публичной дипломатии. Столь популярные в последнее время институты и классы Конфуция, создаваемые де-юре для продвижения китайской культуры и языка, по мнению некоторых западных ученых и с подачи западных СМИ являются «троянскими конями с китайскими чертами» (Mosher 2012, P.1), распространяющими с помощью культурных и образовательных программ государственные политические интересы Китая [5].

Феномен гуманитарной помощи является, как нам кажется, не инструментом ИПП, а ее объектом, когда пропаганда строится на обвинениях в использовании центров как

шпионских оплотов. В качестве одного из примеров таких объектов можно привести российско-сербский гуманитарный центр в сербском городе Ниш. Незначительная его удаленность (100 км и 140 км соответственно) от военной базы НАТО «Бондстил» в Косове и от румынского города Девеселу, где находится американский комплекс ПРО наземного базирования, послужила причиной к информационным выпадам со стороны Запада, сутью которых является подозрение России (и, заодно, Сербии) в организации «шпионского гнезда», призванного противостоять усилиям Запада по продвижению западно-европейских ценностей среди населения Сербии и других балканских стран.

ИПП, постепенно внедряющееся во все большее количество различных аспектов жизнедеятельности современного общества, использует в качестве своего инструмента и экономические проекты. Китайский проект «Один пояс, один путь», кажущийся положительно привлекательным для его стран-участниц благодаря оказываемой Китаем финансовой поддержке, тем не менее является инструментом навязывания китайского влияния. Последовавшие информационные атаки на Китай в западных СМИ, заявляющих о кредитном империализме Поднебесной [3], ее дипломатии канонерок и дипломатии «кредитной ловушки» [4] в этом свете кажутся более, чем логичны.

Подводя итог, отметим, что современные инструменты публичной дипломатии сегодня широко и успешно применяются для ведения операций информационно-психологического противоборства, становясь, по сути, оружием некинетического воздействия в руках прогрессивных игроков.

Источники и литература

- 1) Великая А. Публичная дипломатия США в трансформирующемся мировом порядке. // Международная жизнь, май 2017. С. 169-187.
- 2) Цветкова Н.А.. Публичная дипломатия США: от "мягкой силы" к "диалоговой пропаганде". // Международные процессы, Том 13, №3 (42). Июль – сентябрь 2015г. С.121-133.
- 3) Brahma Chellaney. China's creditor imperialism. December 20, 2017. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-sri-lanka-hambantota-port-debt-by-brahma-chellaney-2017-12/russian>
- 4) Brahma Chellaney. China's debt-trap diplomacy. January 23, 2017. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-one-belt-one-road-loans-debt-by-brahma-chellaney-2017-01?barrier=accessreg>
- 5) James F. Paradise. China and international harmony: The Role of Confucius Institutes in Bolstering Beijing's Soft Power. Asian Survey. Vol. 49, No. 4 (July/August 2009). P. 647-669.
- 6) Lawrence McDonnell. Lies, spies and big data: How fake news is rewriting political landscapes. Russian international affairs council. No.12, June 2017.
- 7) Steven W. Mosher. Confucius Institutes: Trojan Horses with Chinese Characteristics. Testimony Presented to the Subcommittee on Oversight and Investigations House Committee on Foreign Affairs. March 28, 2012.